

*С. Д. Савин***МАКСИМ КОВАЛЕВСКИЙ О БАЛКАНСКОМ ВОПРОСЕ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В статье раскрывается позиция известного ученого и общественного деятеля М. М. Ковалевского по вопросам войны и мира на Балканах в начале XX в. Опираясь на политико-социологическую концепцию общественного прогресса и солидарности, Ковалевский обосновывает возможность политического объединения Балканских стран на конституционных началах. Среди факторов такого объединения Болгарии, Греции, Сербии и Черногории он называет общие интересы, религию, язык и культуру, историческое прошлое, народную демократию, борьбу за независимость. Ковалевский видит сходство указанных факторов с условиями возникновения союзных государств нового типа — Швейцарской конфедерации и Соединенных Штатов Америки. Упущенные возможности и крах Балканского союза накануне Первой мировой войны связаны, на взгляд Ковалевского, в большей степени с политикой мировых держав двух противостоящих блоков — Тройственного союза и Антанты. Недостаточная решимость России в отстаивании своих интересов и защите молодого Балканского союза в ходе войн 1912–1913 гг. стала одним из факторов и неудачно складывающихся для нее событий начала Первой мировой войны. Как считал Ковалевский, славянский вопрос был решающим в военно-идеологическом противостоянии России и Тройственного союза. Ключевыми точками борьбы геополитических интересов стали проблемы Сербии и Украины. Библиогр. 22 назв.

Ключевые слова: М. М. Ковалевский, Первая мировая война, Балканские войны, славянское движение XIX–XX вв., история политической социологии.

*S. D. Savin***THE QUESTION OF THE BALKANS ON THE EVE OF
THE FIRST WORLD WAR ACCORDING TO THE IDEAS OF MAKSIM KOVALEVSKY**

The article deals with the position of the famous scientist and public figure M. M. Kovalevsky about war and peace in the Balkans in the early twentieth century. Articles in periodicals from 1909–1913 are reviewed, mainly in the literary and political journal 'Bulletin of Europe', with Kovalevsky as its editor. Kovalevsky based his theory on the political and sociological concept of social progress and solidarity, he substantiated the possibility of political unification of the Balkan countries on constitutional principles. Among the factors for the Unification of Bulgaria, Greece, Serbia and Montenegro, he names common interests, religion, language and culture, the historical past, people's democracy, the struggle for independence. Kovalevsky sees the similarity of these factors with the conditions of occurrence of the allied states a new type: the Swiss Confederation and the United States. In the opinion of Kovalevsky, opportunities and the collapse of the Balkan Union on the eve of World War I were linked mostly with the policy of the world powers of the two opposing blocs, the Triple Alliance and the Entente. Russia's lack of determination to defend her interests and protect the young Balkan Union during the wars of 1912–1913 ill served her future and was one of the factors of the period leading to the beginning of the First World War. Kovalevsky considered that the Slavic question was crucial in the military and ideological confrontation between Russia and the Triple Alliance. The key points of struggle among geopolitical interests have become a problem in Serbia and Ukraine. Refs 21.

Keywords: M. Kovalevsky, First World War, the Balkan wars, Slavic movement XIX–XX centuries, the history of political sociology.

Савин Сергей Дмитриевич — кандидат социологических наук, приглашенный исследователь, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Российская Федерация, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7; ssd_sav@mail.ru

Savin Sergey Dmitrievich — PhD, Research Fellow, St. Petersburg Institute of History RAS, 7, ul. Petrozavodskaya, St. Petersburg, 197110, Russian Federation; ssd_sav@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) — наиболее многогранная фигура отечественной общественной науки конца XIX — начала XX в. Как политический мыслитель он был широко известен своими трудами по развитию политической мысли, эволюции политических институтов, местного самоуправления и общественных движений. Его умеренно-либеральная позиция по вопросам политического развития России в начале XX в. отражала, с одной стороны, достижения мировой общественной мысли и опыт развития ведущих западных держав, а с другой — исторические закономерности и социальные особенности в развитии российского общества. Личный опыт политического участия в сложных процессах первоначального становления демократических институтов в России, активной деятельности в Государственной думе, Государственном совете, политических партиях, редакции общественно-политических изданий способствовал тому, что в своих научно-практических положениях Ковалевский фактически построил модель политической модернизации России. Авторитет М. М. Ковалевского среди передовой общественности был огромен, но его идеи всегда натывались на стену непонимания и противодействия со стороны государственной бюрократии, а также радикальных революционных и реакционных сил. Тем не менее даже сегодня мы можем использовать научно-практическое значение этих идей для анализа политических процессов в нашем обществе. На наш взгляд, теоретические положения о политических закономерностях развития имеют системный характер и в обобщенном виде их можно назвать теорией демократизации М. М. Ковалевского [Бороноев 2013; Ковалевский 2012; Уденко 2013].

Стоит отметить, что в анализе политики Ковалевского всегда присутствовал исторический взгляд. Особое внимание им уделялось динамике общественного строя и государственных организаций (политических институтов) на каждом этапе развития европейского общества. Эти вопросы интересовали его в двояком аспекте: во-первых, как историка и теоретика политической мысли, с точки зрения функционального подхода юриста, и, во-вторых, как социолога. Такое сочетание позволяло ему проводить глубокий анализ проблем политической жизни общества в динамике [Ковалевский 2012, с. 5].

Помимо широкой научной известности в области истории, социологии, права, политической науки, он был крупным общественно-политическим деятелем своего времени, членом Государственного совета, редактором нескольких общественно-политических изданий, членом многих общественных организаций. При этом общественно-политическая деятельность М. М. Ковалевского являлась прямым продолжением его научных интересов, полем практического приложения энциклопедических знаний и разработанных теорий. Так, будучи знатоком в области международного права и международных отношений, Ковалевский входил в большое количество международных организаций, особенно заметной была его роль в межпарламентской ассоциации, Санкт-Петербургском обществе Мира, Обществе славянского научного единения, Обществе сближения России с Америкой и Обществе сближения с Англией. Свидетельством большого международного авторитета Ковалевского стало его приглашение в качестве третейского судьи для разбирательства спора между Канадой и США, а также выборы на должность вице-президента на XIX Всеобщем конгрессе мира в Женеве (1912).

Международная роль Ковалевского как миротворца отмечена многими современниками, и в 1912 г. он был даже выдвинут номинантом на Нобелевскую премию

мира от Российской межпарламентской группы за содействие распространению мира и гуманизма. Однако будет сильным упрощением утверждать, что вопросы международной политики, войны и мира отражены в работах Ковалевского сугубо в пацифистском ключе, неслучайно, оказавшись на лечении в Карлсбаде в 1914 г., он был арестован австро-венгерскими властями как идеологически опасный общественный деятель. Ковалевский никогда напрямую не призывал к войне, но прекрасно отдавал себе отчет в том, что в геополитике не избежать столкновения интересов и что против милитаристских устремлений германского мира существует только один путь сдерживания — прочные союзы других игроков на условиях понимания и уважения взаимных интересов. В отдельных случаях раздел территорий в зонах потенциальной нестабильности более цивилизованными игроками мог, по его мнению, только приветствоваться. Один такой проект создания конфедерации балканских государств мы предлагаем к анализу в данной статье.

Но прежде остановимся подробнее на деятельности Ковалевского в Санкт-Петербургском обществе Мира и на его политических убеждениях. Петербургское общество Мира как часть зарождающегося широкого международного движения было основано в 1909 г. Будучи его сопредседателем, Ковалевский пишет небольшую программную заметку в журнале «Запросы жизни», в которой обрисовывает задачи данной организации [Ковалевский 1909, с. 4].

На первое заседание Общества Мира, проходившее в городской думе, была приглашена делегация французского парламента во главе с нобелевским лауреатом д'Эстурнель де Констаном. Данное мероприятие вызвало большой ажиотаж петербургской публики. Однако в дальнейшем, по признанию самого Ковалевского, деятельность общества была малозаметной и его скорее пытались использовать как политическую площадку для заявлений по актуальным вопросам международных конфликтов. Это неизбежно приводило к противоречиям и даже расколам внутри самого общества, поскольку ультимативные требования к конфликтующим сторонам дышали воинственностью [Ковалевский 2005, с. 415–416]. Особенно показательными в этом плане стали конфликты по поводу событий Балканских войн 1910-х годов. Собрания петербургской интеллигенции, сочувственно относящейся к подъему Сербии, Болгарии, Черногории и Греции в защиту угнетенных балканских народностей, со временем переросли в дебаты, выражавшие симпатии той или другой стороне конфликта. Тем не менее следует отметить, что, хотя Ковалевский и был напрямую вовлечен в обсуждение политических вопросов и открыто выражал по ним свою позицию, он искренне пытался направить деятельность Петербургского общества Мира в сторону большего участия в делах международных организаций и на выработку решений по совершенствованию международного права в области войны и мира [Николаев 2014, с. 7]. Вопросы ограничения применения оружия большого поражающего действия, свободы проливов, правил ведения морской войны, защита этнических меньшинств от геноцида — все это свидетельство жизненной позиции Ковалевского как пацифиста.

Но мир накануне мировой войны все в большей степени сталкивал позиции групп интересов по вопросам международных отношений. В Обществе славянского научного единения, открытого при посредничестве В. М. Бехтерева, и в Юридическом собрании, и на квартире самого Ковалевского проходили постоянные прения с участием представителей Балканских стран.

Попытки создания так называемого неославянского движения постоянно рушились под напором политических интриг и противоречий внутри славянского мира. Так, Общество славянской взаимности, пытавшееся при активном участии К. Крамаржа объединить представителей всех славянских народов, испытывало постоянное политическое давление, которое отсекало от участия в нем даже на началах культурных связей поляков и украинцев.

Достаточно сказать, что сам Ковалевский вынужден был отказаться от участия в съезде славянских народов в Софии по причине опасений политических последствий. Сочувствуя естественным потребностям украинцев в развитии своей культуры и языка и будучи председателем литературного кружка им. Т. Шевченко, Ковалевский прослыл в определенных кругах сторонником автономии Украины. Повод к этому подало и его участие в первых томах большого труда проф. Львовского университета М. С. Грушевского «История Украины-Руси». Однако на деле Ковалевский, заявляя свою позицию по Малороссии, отмечал, что ни в коей мере не сочувствует националистическим течениям, борющимся за политическую автономию Украины, поскольку это неизбежно приведет к конфликту. Украинский народ исторически расколот на две ветви: западную, т. е. меньшинство, находящееся в составе Австро-Венгерской империи (по оценке Ковалевского, оно составляло примерно 1/8 часть украинцев), и восточную ветвь украинского народа, тяготеющую к России и православию, или малороссов. Как крупный помещик Харьковской губернии, знавший местную жизнь, Ковалевский нимало не сомневался в историческом выборе большинства украинцев, подчеркивая, что почти за три столетия совместной жизни малороссы настолько обросли социальными и экономическими связями с Россией, что отделение от нее ни в коей мере не может входить в сферу их интересов. И так называемый «Мазепинский вопрос» — не более чем вопрос информационно-политической пропаганды, который не действует на население. Поэтому, выступая на данном этапе развития против федерализации, он отмечал, что ничего не мешает говорить о культурных традициях и развитии местного самоуправления на Украине.

Славянский вопрос накануне войны отражал самые большие противоречия европейской политики. Интересы великих держав переплелись в «балканском клубке» этнических, династических и территориальных проблем. При этом в самом выгодном стратегическом положении оказалась Австро-Венгерская империя. Стремление объединить под своей властью все южнославянские народы, получить стратегический выход к Салоникам и укрепиться в Адриатике получало поддержку некоторых течений в самом славянском движении, поскольку считалось, что чем больше славянских народностей войдет в ее состав, тем больше шансов на федерализацию и превращение Австро-Венгрии, по сути, в славянскую державу. «У нас мало понимают ту, как мне кажется, несомненную истину, — замечает Ковалевский, — что так называемый австрославизм — противник не одного русского панславизма, но и нашего желания приобрести руководящую роль на Балканах. Географические условия — то обстоятельство, что Сербия, Болгария и Черногория граничат с Австрией, — причина тому, что не одни немцы, но в гораздо большей степени славяне Габсбургской империи желают иметь решающее влияние на Балканском полуострове» [Ковалевский 2005, с. 429–430]. Сербия фактически находилась в экономической зависимости от Австро-Венгрии, Черногорское побережье контроли-

ровалось ее сторожевыми кораблями, Болгария связала себя династическими связями с Тройственным союзом. Кроме того, Австро-Венгрия пыталась наращивать свое влияние на украинцев, действуя через их политически лояльных представителей в Рейхсрате и создавая украинские культурно-исторические центры во Львове [Ковалевский 2005, с. 427]. Ковалевский отмечает, что в Вене открыто говорили о создании триединой империи (Цислейтания, Венгрия, славянские страны), звеньями которой, с одной стороны, должна стать Хорватия, а с другой — Польша. Одним из идеологов триединой империи был наследник престола Франц-Фердинанд, который лелеял мечту возрождения Священной Римской империи [Ковалевский 2005, с. 428]. Поэтому Россия в данном геополитическом противостоянии пыталась создать коалицию Балканских государств под своим покровительством, в большей степени в противовес не Турции, а именно Австро-Венгрии.

Интересно описывает Ковалевский фобии Австро-Венгрии относительно русских интриг, направленных к ее разделу. Запад в целом, но в большей степени Австрия имели устойчивые стереотипы относительно устремлений русского правительства к захвату всех славянских земель, и за славянскими симпатиями, более или менее открыто выражаемыми, скрывалась покровительствуемая русским правительством политика панславизма. Ковалевский высказывается по этому поводу достаточно провокационно: «Я полагаю, что у среднего европейца есть представление, и весьма определенное, что Крымская война одна помешала осуществлению честолюбивых намерений Николая II сделаться преемником Константина и восстановить над Святой Софией знамение креста, взамен полумесяца. Нужно ли доказывать, что и сейчас такое представление широко распространено не на одних Балканах, но также в Австрии, Германии, Италии, Франции и Англии» [Ковалевский 2013а, с. 199]. «Широко распространено мнение, — пишет Ковалевский, — что в определенные моменты, заручившись предварительным мнением властей, мы открываем славянам наши объятия не с целью их освобождения, а в надежде подчинить их нашей державе. Европа не верит тому, чтобы в культурных слоях России, независимо от давления сверху, существовала действительная симпатия к балканским народам, борющимся за свою независимость и за свое право на человеческие условия жизни. Она полагает, что мы слишком привыкли идти всегда за правительством, чтобы самостоятельно высказывать наши заветные чувства» [Ковалевский 1912а, с. 329]. В Европе целенаправленно формируется общественное мнение о природном коварстве российской власти и подверженном манипуляциям русском народе. Отсюда и в значительной степени удавшиеся попытки дипломатического сдерживания России во время Балканских войн 1912–1913 гг., из целей противодействия мнимым российским устремлениям контроля над черноморскими проливами, создания военной базы в Адриатике и агрессии против Австро-Венгрии.

Первая Балканская война вызвала большое сочувствие со стороны Ковалевского к вопросам борьбы южнославянских стран и Греции за свободу — как праведная освободительная война во имя прав человека, во имя равноправия народов и будущего мира в Европе. Проникнутый убеждением в необходимости братского содействия их борьбе, Ковалевский выступает с требованием выражения активной поддержки русским правительством Балканским странам. Он утверждает, что пассивная позиция России не отвечает ее интересам и ни в коей мере не будет

способствовать сохранению status quo в регионе. Напротив, он приводит пример, когда устранение России от балканских проблем после создания Священного союза (1815) фактически передало Балканы под усиливающееся влияние Австрии. Меттерних ловко воспользовался дипломатическими условиями самоустранения России, и, по сути, будущие события, спровоцировавшие начало Первой мировой войны, во многом связаны с недальновидностью российской политики, допустившей столь сильную зависимость Сербии от Австро-Венгерской империи. Примером тому может послужить и аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, во время которой страны Антанты ради умиротворения ситуации оказали прямое давление на Сербию. Как был уверен Ковалевский, империя Габсбургов выступала и за проект независимой Албании с целью лишить Сербию жизненного пространства и возможности выхода к морю. Причем уже тогда существовал проект Великой Албании в границах, включающих так называемую Старую Сербию (Косово) с Приштиной и частью Македонии. «На месте разлагающегося господства Турции на всем балканском западе имело возникнуть новое жизнеспособное и грозное для малых соседей господство того же полумесяца в твердых, жестких руках албанцев, опирающихся на внешнюю поддержку дружественной им великой покровительницы» [Ковалевский 1913а, с. 209].

Поэтому надежды Ковалевского были связаны с созданием союза Балканских государств, из которого, как он ожидал, может сложиться новое объединение в форме конфедерации. Ковалевский полагал, что для такого союза имеются все предпосылки. Помимо общности веры и близости языка славянских стран (Болгарии, Сербии и Черногории), он выделял такие факторы, как общее историческое прошлое угнетенных народов и факторы современной общей угрозы национальной безопасности, смешанность населения ряда территорий, в особенности Македонии.

Но самый интересный фактор, выделяемый Ковалевским, — народная демократия. Будучи признанным теоретиком демократизации, описавшим условия и факторы демократии от древнейших времен до современности [Ковалевский 1906b], он надеялся увидеть в зарождающемся союзе молодых государств действие признаков конфедерации по примеру Североамериканских штатов и Швейцарии. «Нам выпало в удел быть свидетелями зарождения нового союза монархических государств, объединенных общностью веры, историческим прошлым и общностью интересов в настоящем. Трое из этих народов говорят на родственных языках и не лишены возможности понимать друг друга. Таким образом, имеются налицо те четыре условия, которые всегда признавались и признаются ближайшими факторами сближения народов и государств. Но в настоящем случае мы имеем дело еще с одним и очень существенным сходством: Черногория, Сербия, Болгария и Греция являются настоящими демократиями» [Ковалевский 1912а, с. 323]. Эта подлинная демократичность, по мнению Ковалевского, вытекает из того факта, что в этих странах практически не было собственной национальной поземельной аристократии. Черногорское, сербское и болгарское общества настолько демократичны, что при устройстве их начал конституционной монархии не нашлось элементов для образования верхней палаты. Защищающие свою независимость при помощи механизмов самоорганизации, народных собраний и народных вождей, новые конституционные монархии фактически сформировались как режимы национальных

движений. Патриотические установки, самопожертвование, взаимопомощь исходят в этих странах «снизу», из недр народного движения.

В качестве доказательства жизнеспособности такого союза Ковалевский приводит пример «самого величайшего из политических созданий нового времени» — Соединенные Штаты Америки. Главное, что позволило создать из разрозненных штатов единое политическое пространство, считает Ковалевский, — это добровольное самоограничение во имя федерации. «К счастью для Америки, у нее оказались не только удачные полководцы для отражения общего врага, но и политические деятели с живым пониманием их исторической ответственности перед будущим» [Ковалевский 1913с, с. 4–5]. Несмотря на местный патриотизм, они понимали, что в интересах возникающей американской нации гораздо важнее не обеспечить территориальные преимущества над соседями, а создать условия для солидаризации общих интересов. На таких условиях взаимных уступок и возникли новые западные штаты, произошло укрепление федеральных начал власти.

Все это согласовывалось с теорией солидарности Ковалевского, которая лежала в основе его политико-социологических выводов о прогрессе. Естественные условия развития должны привести развитые страны к новым формам политического объединения и вслед за военными блоками и союзами последуют демократические объединения солидарных обществ. Политический прогресс приведет в конечном счете к созданию не мирового государства, а «автономных политических тел», вступавших между собой в постоянные союзы или федерации и «побуждаемых к сохранению мира хозяйственным расчетом, заботой о возможном развитии своего производства путем расширения обменов» [Ковалевский 1912b, с. 258]. Поэтому Балканский союз, по мысли Ковалевского, и должен был стать своеобразным мостиком между враждующими блоками Антанты и Тройственного союза, ступенькой на пути политического единства Европы и России.

Приходится констатировать, что Ковалевский выдавал желаемое за действительное, во многом оставаясь в плену своих теоретических схем общественного прогресса. Вторая Балканская война породила в Ковалевском глубокое разочарование и досаду. И это была лишь первая капля в сравнении с тем, что последовало с началом мировой войны.

Характеризуя события Второй балканской войны, Ковалевский не скрывает своего резко негативного отношения к политическим интригам, ее побудившим, которые, на его взгляд, делают этот конфликт ложным, противоречащим истинным интересам Балканских стран. С таким трудом возникший союз Балканских стран рассыпался, новые конфликтные условия отбрасывали назад, лишали славянские народы перспектив развития на пути солидарности и долгосрочной стабильности. Вероломство Румынии, грубо нарушившей нормы международного права и дипломатических договоренностей, в короткое время изменило всю геополитическую ситуацию в регионе. И здесь Ковалевский пророчески заявляет: «Жажда территориальных приобретений едва ли оправдает перед лицом истории использование в себялюбивых целях тяжелого положения соседа, сколько бы ее ни прикрывали заботой о сохранении политического равновесия. Обстоятельства могут измениться. Нация, недавно овладевшая твердыней Адрианополя, не легко простит ничем не вызванную обиду; начнет она сводить счеты — и снова исчезнут условия мирного сожития для балканских народов» [Ковалевский 1913b, с. 1]. Больше того, он по-

лагал, что данное противоречие может иметь более широкие последствия: «Не сегодня завтра можно ждать осложнений на Балканах, опасных для мира Европы» [Ковалевский 1913b, с. 6].

Стоит отметить, что и до «вероломства» Румынии места ей в союзе балканских народов у Ковалевского не нашлось. «Если все четыре союзника имеют общим, рядом с религией, свои демократические порядки, а трое из них — и сходство языка, то Румыния только православием связана с прочими балканскими княжествами; общественный же ее быт, издавна построенный на аристократических началах, до сих пор выделяется преобладанием крупного землевладения» [Ковалевский 1913a, с. 221–222]. Не отличается Румыния и принципами гражданского равенства и соблюдения прав по отношению к инородцам.

Как бы то ни было, за случившееся косвенная вина лежала и на России, которая не оказала должного дипломатического давления на стороны конфликта. Близкий по взглядам Ковалевскому сотрудник редакции «Вестника Европы» Л. З. Слонимский в разделе «Иностранное обозрение» не раз критиковал внешнюю политику России за ее уступчивость, неопределенность и непоследовательность в «балканском вопросе» и громко заявлял, что Россия утратила последние остатки своего авторитета на Балканах [Агапов 2012, с. 36]. В июле 1913 г. выходит специальный выпуск «Вестника мира», в котором редакция осуждает нарушение балканских договоренностей и выступает в поддержку Болгарии. Если Ковалевский в большей степени обрушивается с обвинениями в адрес Румынии, то другой видный общественный деятель — городской голова граф И. И. Толстой — говорит об изначальных противоречиях и скрытой вражде сербов и болгар [Толстой 1913, с. 17–18]. Подробно изучал межэтнические вопросы жизни балканских народов и проф. Н. В. Ястребов, который, как и Ковалевский, говорил о желательности создания федерации южнославянских народов, но с тем важным отличием, что ядром такой федерации должна стать «Великая Сербия», которая объединит в себе как сербохорватские, так и боснийские земли, станет своеобразным освободительным центром притяжения в регионе [Ястребов 1915, с. 177].

Следует признать, что Ковалевский, анализируя балканские события, избегал касаться противоречий в отношениях бывших союзников, старался не замечать вызревавших столетиями факторов этнических конфликтов. Поглощенный верой в действие прогрессивных сил истории, движущей силой которых выступает солидарность, он был склонен считать, что уже появились те условия, при которых долгосрочная общность политических интересов возобладает над временными узконациональными выгодами. Понимание, что для Европы пока не наступил такой момент, пришло к Ковалевскому с началом мировой войны. Процесс демократизации свободных народов столкнулся с вызовом империализма мировых держав. Цели войны предполагали не освобождение народов, а раздел мира на сферы влияния, новые протектораты. Национальные интересы народов вовлекались в орбиту влияния империалистических держав. Но Ковалевский, исходя из своих теоретических убеждений, полагал, что это лишь этап истории, по аналогии с тем, как современная демократия предшествовал абсолютизм XVI–XVII вв.

Анализируя причины начала Первой мировой войны, Ковалевский уделял большое внимание славянскому вопросу и балканским противоречиям. Он подчеркивал, что, несмотря на в целом империалистический характер войны и широ-

кое столкновение интересов двух блоков, самое острое противостояние в конфликте будет наблюдаться по линии противостояния «немецко-славянской империи со славяно-русской». Россия, по словам Ковалевского, для Европы не просто государство, это мир [Ковалевский 2005, с. 436]. Для Германии «Россия с ее панславизмом и предполагаемым желанием поглотить все славянские народы является не органическим целым, а каким-то конгломератом подавляемых великороссами государств и народностей» [Ковалевский 1915b, с. 559]. Мало победить Россию — она быстро восстановится и возобновит свое влияние на Балканах и в других регионах; чтобы выключить Россию из геополитической игры, необходимо ее расколоть. И прежде всего, помимо традиционных зон интереса Германии на Балтике, отколоть Украину, включить ее в орбиту австро-германского влияния. Ковалевский подробно анализирует новую германскую идеологию, выделяя ее положения о славянах. В частности, он пишет о получивших широкое распространение в Германии и Австрии мифах о том, что немцы привносят в славянский мир организующее начало, добавляют к творческому потенциалу славян волю и характер [Ковалевский 2005, с. 432]. Такая нескрываемая германизация могла достигнуть успеха только при одном условии: уничтожении России как крупного международного игрока, вытеснении ее из Европы.

Поэтому для России война стала праведной и оборонительной. Ее цель — самосохранение России как цивилизации, как объединяющего начала для народов, которым она даст возможности свободного и равноправного развития. Только победа откроет для страны новые возможности на пути прогресса и демократии, создаст условия для прочного мира. В отличие от Германии цель России — создать условия для свободы и самоорганизации славянских и других народов. Ковалевский, как и многие представители либерального лагеря, призывал: «...Полная солидарность всех граждан империи, общее отстаивание русскими и поляками независимости славянских народов от исконного врага славянства способны обеспечить и свободу политического самоопределения больших и малых единиц славянской семьи, и дальнейшие успехи их в развитии начал свободного представительного строя» [Ковалевский 1915b, с. 561]. В целом следует подчеркнуть, что настроения Ковалевского после того, как он отошел от впечатлений австрийского ареста, дышали патриотическим духом российской либеральной общественности. На первом этапе войны она была переполнена надеждами на либерализацию самого политического строя России, подтверждением чему был союз с либеральными странами Запада против консервативных сил немецких монархий [Агапов 2012, с. 38]. Но все же Ковалевский не склонен был к иллюзорным преувеличениям российской действительности. В газете «Русские ведомости» он открыто стыдил российскую власть за «средневековый консерватизм», уничтожение всех инициатив прогрессивного блока, приостановку работы Государственной думы, приводя в пример ситуацию во враждебной Германии: «Немецкий кайзер открыто признал, что он лично устраняет большинство различий между своими подданными и гражданами — национальных, религиозных и политических. Одновременно дарована была амнистия по всем политическим преступлениям» [Ковалевский 1915a, с. 3].

Следует отметить, что пацифизм Ковалевского не исчез под влиянием драматических военных событий. Напротив, он все так же развивал идеи по усилению мер, направленных на укрепление основ международного мира. Среди них — по-

вышение роли международного права как важнейшего института мира, роли общественности и международных организаций, которые смогут удерживать правительства своих стран от авантюр. Жизненный оптимизм Ковалевского проявил себя в его деятельности в целом ряде подобных организаций, нацеленных на укрепление мира и согласия. Авторитет Ковалевского среди славянского движения был огромен и ориентировал на умеренную позицию в сложных вопросах нацееобразования и международной политики. После смерти Ковалевского в 1916 г. центристские силы в России потеряли не просто лидера либерального движения, но, по сути, лидера широкого демократического фронта, призывающего к союзу социал-демократов, либералов и умеренно-патриотических сил. Политические заветы Ковалевского ярко отражены в его программных статьях «Политическая программа нового Союза народного благоденствия», «Национальный вопрос и равенство подданных перед законом» [Ковалевский 1906а; Ковалевский 1906с].

Литература

- Агапов В. Л. «В союзе с передовыми нациями»: начало мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1914–1915 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. №31. С. 33–47.
- Бороноев А. О. М. М. Ковалевский как социолог политики // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 3. С. 128–132.
- Ковалевский М. М. [Без названия] // Русские ведомости. 1915а. 4 сент.
- Ковалевский М. М. Местное самоуправление в Америке и его историческое развитие // Вестник Европы. 1885. [Кн. 2]. Февраль. С. 793–820.
- Ковалевский М. М. Национальный вопрос и равенство подданных перед законом. Варшава: Правда, 1906а. 15 с.
- Ковалевский М. М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражения в истории политических учений. Т. I–III. М.: Типогр. Товарищества И. Д. Сытина, 1906б. Т. I — 520 с.; Т. II — 492 с.; Т. III — 292 с.
- Ковалевский М. М. Политическая программа Нового союза народного благоденствия. СПб.: Типогр. Акционерного Общества «Слово», 1906с. 23 с.
- Ковалевский М. М. Мир // Запросы жизни. 1909. № 11. С. 4–5.
- Ковалевский М. М. Освободительное движение на Балканах // Вестник Европы. 1912а. [Кн. 11]. Ноябрь. С. 321–330.
- Ковалевский М. М. Прогресс // Вестник Европы. 1912б. [Кн. 2]. Февраль. С. 225–260.
- Ковалевский М. М. Судьбы Балкан // Вестник Европы. 1913а. [Кн. 1]. Январь. С. 197–223.
- Ковалевский М. М. Вторая Балканская война // Вестник мира (Орган международного права и культуры). 1913б. № 5. С. 3–8.
- Ковалевский М. М. Fides punita // Речь. 1913с. 30 июля. С. 3.
- Ковалевский М. М. Национальный вопрос и империализм // Вопросы мировой войны: сб. Комитета по устройству этапного лазарета им. Высших учебных заведений Петрограда / под ред. проф. М. И. Туган-Барановского. Пг.: Юридический книжный склад «Право»; Типогр. «Правда», 1915б. С. 549–561.
- Ковалевский М. М. Моя жизнь: воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.
- Ковалевский М. М. Труды по политической социологии и политологии / отв. ред. А. О. Бороноев; сост. Д. В. Миронов, С. Д. Савин; предисл. А. О. Бороноева, С. Д. Савина. СПб.: Центр содействия образованию, 2012. 696 с.
- Матиева А. Х. Петербургский пацифист М. М. Ковалевский // История Петербурга. 2003. № 6 (16). С. 22–24.
- Николаев Н. Ю. Миротворческие взгляды М. М. Ковалевского в начале XX в. // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. История. 2014. № 3. С. 6–15.
- Осоргин М. А. О балканских «зверствах» // Вестник Европы. 1913. [Кн. 2]. Февраль. С. 311–326.
- Толстой И. И. Позорное зрелище // Вестник мира (Орган международного права и культуры). 1913. № 5. С. 17–18.

Уденко Е. И. Особенности формирования гражданского общества в России: идеи М. М. Ковалевского // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. Психология. Социология. Педагогика. 2013. № 4. С. 163–168.

Ястребов Н. В. «Великая Сербия» как разрешение южнославянского вопроса в Великой войне 1914–1915 гг. // Вопросы мировой войны: сб. Комитета по устройству этапного лазарета им. Высших учебных заведений Петрограда / под ред. проф. М. И. Туган-Барановского. Пг.: Юридический книжный склад «Право»; Типогр. «Правда», 1915. С. 135–178.

Для цитирования: Савин С. Д. Максим Ковалевский о балканском вопросе накануне Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 4. С. 186–197. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.414

References

- Agapov V. L. “V soiuze s peredovymi natsiamy”: nachalo mirovoi voiny v liberalnom zerkale “Vestnika Evropy” (1914–1915 gg.) [“In alliance with the leading nations”: the beginning of World War, the liberal mirror “the Bulletin of Europe” (1914–1915)]. *Novii istoricheskii Vestnik* [New Historical Vestnik], 2012, no. 31, pp. 33–47. (In Russian)
- Boronoev A. O. Kovalevskii kak sociolog politiki [M. M. Kovalevsky as a sociologist of politics]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development.], 2013, no. 3, pp. 128–132. (In Russian)
- Kovalevsky M. M. [Bez nazvaniya] [Untitled]. *Russkie vedomosti* [Russian Gazette], 1915a, September 4. (In Russian)
- Kovalevsky M. M. Mestnoe samoupravlenie v Amerike i evo isoricheskoe razvitie [Local self-government in America and its historical development]. *Vestnik Evropy* [Vestnik of Europe], 1885, [Book 2], February, pp. 793–820. (In Russian)
- Kovalevsky M. M. *Natsionalnyi vopros i ravenstvo poddanykh pered zakonom* [The National Question and the equality of citizens in front of the law]. Warsaw, “Pravda” Publ., 1906a, 15 pp. (In Russian)
- Kovalevsky M. M. *Ot prjamogo narodopravstva k predstavitel'nomu i ot patriarkhal'noi monarkhii k parlamentarizmu. Rost gosudarstva i ego otrazheniya v istorii politicheskikh uchenii* [From direct to representative democracy and from patriarchal monarchy to parliamentarism. The growth of the state and its reflection in the history of political studies]: in 3 vols. Moscow, Tipografija T-va I. D. Sytina [I. D. Sytin's Partnership Print.], 1906b. Volume I — 520 pp.; volume II — 492 pp.; volume III — 292 pp. (In Russian)
- Kovalevsky M. M. *Politicheskaya programma Novogo soiuzna narodnogo blagodensvyia* [The political program of the New Union of people's livelihood]. St. Petersburg, 1906c, 23 pp. (In Russian)
- Kovalevsky M. M. Mir [Peace]. *Zaprosy Zhizni* [Life Questions], 1909, no. 11, pp. 4–5. (In Russian)
- Kovalevsky M. M. Osvoboditel'noe dvizhenie na Balkanakh [The liberation movement in the Balkans]. *Vestnik Evropy* [Vestnik of Europe], 1912a, [Book 11], November, pp. 321–330. (In Russian)
- Kovalevsky M. M. Progress [Progress]. *Vestnik Evropy* [Vestnik of Europe], 1912b, [Book 2], February, pp. 225–260. (In Russian)
- Kovalevsky M. M. Sud'by Balkan [Fates of the Balkans]. *Vestnik Evropy* [Vestnik of Europe], 1913a, [Book 1], January, pp. 197–223. (In Russian)
- Kovalevsky M. M. Vtoraya Balkanskaya voina [The Second Balkan war]. *Vestnik mira (Organ mezhdunar. prava i kul'tury)* [Vestnik of peace (Organ of international law and culture)], 1913, no. 5, pp. 3–8. (In Russian)
- Kovalevsky M. M. Fides punica [Punic faith]. *Rech* [Speech], 1913c, June, p. 3. (In Russian)
- Kovalevsky M. M. Natsionalnyi vopros i imperIALIZM [The National Question and imperialism]. *Voprosy mirovoi voiny: sb. komiteta po ustroistvu etapnogo lazareta im. Visshikh uchebnykh zavedenii Petrograda* [Questions of World War: Sat. The Committee on the device of their landmark hospital. Higher educational institutions of Petrograd], ed. by M. I. Tugan-Baranovsky. Petrograd, Juridicheskii knizhnyi sklad “Pravo” [Juridical book warehouse “Law”]; “Pravda” Print., 1915b, pp. 549–561. (In Russian)
- Kovalevsky M. M. *Moya zhizn': vospominaniya* [My life: recollections]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005, 784 p. (In Russian)
- Kovalevsky M. M. *Trudy po politicheskoy sociologii i politologii* [Works on political sociology and politology]. Ed. by A. O. Boronoev; comp.-ed. D. V. Mironov, S. D. Savin; pref. A. O. Boronoev, S. D. Savin. St. Petersburg, Zentr sodeistviya obrazovaniu [Centre for the Promotion of Education] Publ., 2012, 696 pp. (In Russian)
- Matieva A. H. Peterburgskii patsifist M. M. Kovalevsky [St. Petersburg's pacifist M. M. Kovalevsky]. *Istoriya Peterburga* [History of St. Petersburg], 2003, no. 6 (16), pp. 22–24. (In Russian)

- Nikolaev N.U. Mirotvorcheskie vzglyady M.M. Kovalevskogo v nachale XX v [Peacemaking looks of M.M. Kovalevsky at the beginning of the twentieth century]. *Vestnik of Volgograd State University. Series History*, 2014, no. 3, pp. 6–15. (In Russian)
- Osorgin M.A. O balkanskikh “zverstvakh” [About the Balkan “brutality”]. *Vestnik Evropy [Vestnik of Europe]*, 1913, [Book 2], February, pp. 311–326. (In Russian)
- Tolstoy I.I. Pozornoe zrelishche [The shameful spectacle]. *Vestnik mira [Vestnik of Peace]*, 1913, no. 5, pp. 17–18. (In Russian)
- Udenko E.I. Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii: idei M.M. Kovalevskogo [Features of formation of civil society in Russia: the idea M.M. Kovalevskogo]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 12: Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2013, issue 4, pp. 163–168. (In Russian)
- Yastrebov N.V. “Velikaya Serbya” kak razreshenie uzhnoslavianskogo voprosa v Velikoy voine 1914–1915 [“Greater Serbia” as the solution of South Slavic question in the Great War of 1914–1915]. *Voprosy mirovoy voiny: sb. Komiteta po ustroystvu etapnogo lazareta im. Vishih uchebnikh zavedenii Petrograda [Questions of World War: Sat. The Committee on the device of their landmark hospital. Higher educational institutions of Petrograd]*. Ed. by M.I. Tugan-Baranovsky. Petrograd, Juridicheskij knizhnyj sklad “Pravo” [Juridical book warehouse “Law”]; sklad “Pravo”; “Pravda” Print., 1915, pp. 135–178 (In Russian)

For citation: Savin S.D. The question of the Balkans on the eve of the First world war according to the ideas of Maksim Kovalevsky. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2016, issue 4, pp. 186–197. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.414

Статья поступила в редакцию 17 ноября 2015 г.
Рекомендована в печать 2 сентября 2016 г.